

В. К. КЕЛЬМАКОВ (Ижевск)

ЭЛЕМЕНТЫ ПАЛАТАЛЬНОЙ ГАРМОНИИ ГЛАСНЫХ В ТАТЫШЛИНСКОМ ДИАЛЕКТЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА*

0.1. По общепринятому в финно-угроведении мнению, гармония гласных, характерная как для финно-угорского языка-основы¹, так и для многих современных уральских языков, не типична для пермских. Действительно, хотя в исследованиях по пермским языкам и отмечались явления дистантной прогрессивной ассимиляции гласных, отдаленно напоминающие лабиальную гармонию некоторых родственных языков² (что отнюдь нельзя еще считать губной гармонией гласных), проявления нёбной гармонии не обнаружены до сих пор ни в одном из современных коми и удмуртских диалектов.³

0.2. Гармония гласных и вокализм языка взаимосвязаны. Будучи явлением синтагматического плана, гармония гласных тем не менее в значительной мере зависит от строения вокализма как системы, служащей для нее парадигматической базой, и одновременно обуславливает принципы структурирования этой системы.⁴

Праязыковая гармония гласных, еще существовавшая (хотя и в реликтовом виде) в раннедревнепермское время (в частности, сингармоническая мена *-a ~ -ä*), к периоду распада пермской общности была

* Переработанный и дополненный вариант доклада, прочитанного на XIV Всесоюзной конференции финно-угроведов в сентябре 1972 года (Саранск).

¹ J. Budenz, *Über die Verzweigung der uralischen Sprachen*, Göttingen 1879, стр. 26; A. Kannisto, *Die vokalharmonie im wogulischen*. — FUF XIV 1914, стр. 81; B. Collinder, *Das Alter der Vokalharmonie in den uralischen Sprachen*. — UUA 1942:9; A. M. Рот, *О гармонии гласных в финно-угорских языках*. — Вопросы финно-угорского языкознания. Грамматика и лексикология, Москва—Ленинград 1964, стр. 68; Gy. Décsy, *Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft*, Wiesbaden 1965, стр. 157; P. Hajdú, *Bevezetés az uráli nyelvtudományba (A magyar nyelv finnugor alapjai)*, Budapest 1966, стр. 54 и др.

² Д. В. Бубрих, *Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком)*, Ижевск 1948, стр. 66; В. И. Лыткин, *Коми-язвинский диалект*, Москва 1961, стр. 32.

³ Утверждение Г. А. Архипова о наличии палатальной гармонии гласных в бесермянском наречии (Г. А. Архипов, *Бесермянское наречие удмуртского языка*. — *Soome-ugri keelte dialektoloogia alane põupidamine. Ettekannete teesid*, Tartu 1958, стр. 9), по-видимому, не совсем соответствует действительности и в других работах о языке бесермян не находит подтверждения (Д. Корепанов, *Бесермяне*. — *На удмуртские темы (Сборник статей)*, вып. II, Москва 1931; Т. И. Тепляшина, *Язык бесермян (К проблеме происхождения бесермян)*. — *STIFU Thesen I*, стр. 128; ес же, *Язык бесермян*, Москва 1970). Ошибочно, вероятно, и положение А. Шлейхера о гармонии гласных в коми языке («Коми язык обнаруживает гармонию гласных, хотя и не в той степени распространенности, как финский язык». (A. Schleicher, *Die Sprachen Europas in systematischer Uebersicht*, Bonn 1850, стр. 76).

⁴ М. А. Черкасский, *Тюркский вокализм и сингармонизм. Опыт историко-типологического исследования*, Москва 1965, стр. 10.

полностью утрачена в результате коренной перестройки вокализма первого слога.⁵

Из известных доселе в финно-угроведческой литературе пермских диалектов палатальная гармония гласных могла бы существовать в коми-язьвинском и юго-западных (бавлинском, шошминском и кукморском) диалектах удмуртского языка, имеющих в вокализме парные по ряду гласные *u: ð, o: ó* (в некоторых говорах и *a: ä*). Однако данная корреляция гласных на основе противопоставления заднерядности/переднерядности (вернее: передне-среднерядности) не смогла послужить основой для существования (или возникновения) сингармонизма в указанных диалектах по следующим причинам: а) парные огубленные не могли употребляться и сейчас не встречаются, за редкими исключениями⁶, в непервых слогах производной основы слова и в составе суффиксов⁷ (см. еще 1.2.2); б) позиция неогубленного *a* в суффиксальных слогах была значительно ослаблена в результате исторического изменения древнеперм. **a* непервого слога в *o* в удмуртском языке. Подобные позиционно ограниченные корреляции, разумеется, не могли стать основой для гармонии гласных.

Следовательно, обладать гармонией гласных в принципе мог бы лишь тот из пермских диалектов, в вокализме которого имелись бы, наряду с вышеназванными, противопоставленные по ряду наиболее употребительные неогубленные гласные. Такой диалект относительно недавно обнаружен нами на юго-востоке удмуртской языковой области.

0.3. Татышлинский диалект, распространенный в полутора десятках населенных пунктов Татышлинского района Башкирской АССР, изучался нами в полевых условиях в марте 1971 года. В данной работе используются записи, произведенные в населенных пунктах Уразгильда (*vukogurt*), Нов. Татышлы (*vilgurt*), Бигинеево (*begenej*), Ниж. Балтачево (*uliš baltas*), Калмиярово (*kalmijar*), а также тексты и лексический материал, любезно предоставленные в наше распоряжение поэтом Ф. П. Пукроковым (Майск, удм. *majski*). Поскольку нам не удалось произвести повторные записи с целью сбора добавочного материала и проверки ранее собранного, наши выводы, естественно, имеют предварительный характер.

1.1. В татышлинском диалекте в качестве смыслоразличителей выступают 10 гласных фонем, классификация которых приведена в таблице.

Подъем	Огубленность	Передний ряд	Передне-средний ряд	Задний ряд
Верхний	Огубленный		<i>ï</i>	<i>u</i>
	Неогубленный	<i>i</i>		
Средний	Огубленный		<i>ò</i>	<i>o</i>
	Неогубленный	<i>e</i>	<i>ə</i>	<i>ë</i>
Нижний	Неогубленный		<i>ä</i>	<i>a</i>

В данной системе обращают на себя внимание, во-первых, отсутствие гласных среднего ряда, представленного в основной массе уд-

⁵ В. Collinder, *Das Alter der Vokalharmonie in den uralischen Sprachen*, стр. 103—104; см. также К. Rédei, *A permi nyelvek első szótagi magánhangzóinak a történetéhez*. — NyK, LXX/1, Budapest 1968, стр. 42.

⁶ В. И. Лыткин, *Спорадическая лабиализация гласных 2-го слога слов пермских языков*. — *Commentationes feno-ugricae in honorem Erkki Itkonen*, Helsinki 1973 (MSFOu 150), стр. 208—209.

⁷ В. И. Лыткин, *К вопросу о вокализме пермских языков*. — *Труды Института языкознания АН СССР*, т. I, Москва 1952, стр. 89—90; его же, *Коми-язьвинский диалект*, стр. 33.

муртских диалектов (и литературном языке), не обладающих гармонией гласных, двумя фонемами — *ы* (*i*) и *ө* (*e*); во-вторых, наличие корреляции на основе оппозиции веларности (заднерядности) и веларно-палатальности (передне-среднерядности) гласных: *и* : *ï*, *о* : *ô*, *э* : *ə* и *а* : *ä*. Эта корреляция, охватывающая основую часть (за исключением *i* и *e*) единиц системы, особенно наличие *э* : *ə* создает благоприятные условия для существования нёбной гармонии гласных.

1.2. Для вокализма татышлинского диалекта, как и для всех сингармоничных языков, характерно наличие двух функционально неравноценных подразделений: вокализма первого (начального) слога и вокализма непервого (неначального) слога.

1.2.1. Вокализм первого слога представлен полным набором гласных фонем, которые зачастую определяют тембровую окраску гласных последующего слога. Однако не все гласные первого слога в одинаковой мере способны воздействовать на выбор гласных второго. Уподобляющая роль гласных первого слога в татышлинском диалекте зависит не только от его качества, но и от качества гласных следующих слогов (см. 2.1.1 и 2.1.2).

1.2.2. Вокализм непервого (в первую очередь второго) слога существенно отличается как в материальном, так и функциональном отношении от вокализма первого. Отличия сводятся прежде всего к тому, что не все гласные, встречающиеся в первом слоге, возможны и в непервых. Так, из четырех огубленных гласных татышлинского диалекта за пределами начального слога — как в составе простого неразложимого корня, так и в огласовке функциональных морфем — три (*и*, *ï*, *ö*) неупотребительны.

Хотя отсутствие большинства огубленных гласных в непервых слогах и не является в рассматриваемом диалекте следствием действия гармонии гласных⁸, оно в значительной мере обуславливает особенности проявления последней. Из четырех коррелятивных пар, потенциально способных участвовать в нёбной гармонии, фактически принимают в ней участие в пределах непервого слога лишь пара узких (*э* : *ə*) и широких (*а* : *ä*) неогубленных, не ограниченных в своем употреблении (в особенности, *э* : *ə*) определенной позицией в структуре слова.

Далее, реализация гласных в непервых слогах в большинстве случаев зависит от качества огласовки первого слога.

2.1. Если в первом слоге слова выступают гласные передне-среднего ряда (веларно-палатальные) *ï*, *ä* и *ə*, то во втором слоге из узкой архифонемы *э/ə* реализуется, как правило, *ə*. Выбор веларно-палатальной представителя широкой архифонемы *а/ä* с большей или меньшей регулярностью обуславливают лишь гласные *ä* и *ə* первого слога.

ï — *ə*: *bügəro* 'сруб', *bürgə* 'труба', *čükər* 'чашка', *čünə* 'жеребенок', *dürə-* 'ковать', *dürəs* 'правильный, верный, истинный', *güdə-* 'копать, рыть', *gütə* 'полюй (съедобный) стебель растения; трубка, дуло', *gütər* 'век, жизнь (человеческая)', *gürə* 'сережки, женский цвет (у березы,

⁸ Это, как известно, рефлекс древнего закона фонемной синтагматики, действовавшего в общепермском (гесп. финно-угорском) языке-основе, по которому за пределами первого слога невозможно было употребление лабиализованных гласных (см. В. И. Лыткин, Исторический вокализм пермских языков, Москва 1964, стр. 239; его же, От редакции. — В. А. Сорвачева, М. А. Сахарова, Е. С. Гуляев, Верхневыхгодский диалект коми языка, Сыктывкар 1966, стр. 4). Неподчинение огубленного *о* данной закономерности дистрибуции гласных в структуре многосложного слова объясняется вторичным характером его происхождения из более раннего **a* (В. И. Лыткин, Исторический вокализм пермских языков, стр. 235—236; его же, Спорадическая лабиализация гласных 2-го слога слов пермских языков, стр. 208—209).

ольхи), *gürzə* 'отрыгаться, отрыгнуться', *küdə* 'лукошко', *kü'zə* 'пьянеть, опьянеть', *küzgə* 'зеркало', *kütəci* 'пастух', *küə* 'ткать', *lüə* 'быть, стать, становиться', *pünə* 'собака', *sükəri* 'каравай', *sürəm* 'угар, чад', *süsəri* 'можжевельник', *süzgə* 'совок', *şikə* 'пена', *šütə* 'заквасить', *šüšə* 'снегирь', *tüpçək* 'младший сын в семье, наследник отцовского состояния', *türlə* 'различный, разнообразный', *übər* 'злой дух', *ügə* 'филин', *ürə* 'полоть; порваться, оборваться', *üstə* 'открыть, открывать', *üzə* 'земляника', *vünə* 'забыться, забываться', *vüə* 'успеть, поспеть', *züd* 'пить' и др.

ä — ə: *änəs* 'анис', *ürəm* 'попынь горькая', *küdər* 'честь, почет, уважение', *kätər* 'неудовлетворенное желание, ожидание, чаяние', *küzər* 'сейчас', *mäkə* 'мак', *mängälək* 'вечность', *zäbəšom* 'возьмемся, примемся', *zäjlä* 'удобно, удобный', *zämsəz* 'некрасивый'.

ə — ə: *bərdə* 'металлическая пуговица', *gəzə* 'ноготь, коготь', *məñlə* 'веселый, дружелюбный, открытый, приятный', *əmət* 'надежда', *əzə* 'зазнайка'; *dədək* ~ *dədək* 'голубь', *səñər* ~ *səñər* 'сухожилие; резина'.

ä — ä: *äjbät* 'хороший, приятный, ладный', *äläk* 'очень, весьма, чрезвычайно', *äräm* 'зря, попусту, напрасно', *ärämä* 'прибрежная роща', *äšək(ə)* 'плохой, дурной', *äzämi* 'человек', *bäbäj* 'младенец, грудной ребенок', *bäkäs* 'спор, пари', *bälä* 'беда, несчастье', *gädät* 'привычка, навывк; характер', *käläm* 'устар. карандаш', *kärtä* 'карты игральные', *käšämär* 'шерстяная ткань', *müzäk* 'шутка', *nästä* 'нечто, вещь, предмет', *räxät* 'спокойствие, безмятежность, покой; приволье, кайф', *sägät* 'час, время; часы', *tämäk* 'табак, курево', *täñkä* 'монета', *färdä* 'занавеска оконная', *zämän* 'скоро, быстро', *zäštäš* 'одногодок, сверстник, ровесник', *bärkät* ~ *barxat* 'бархат'.

ə — ä: *bäläzək* 'браслет с монетами (женское праздничное украшение)', *tälä* 'желать'.

2.1.1. Регулярность веларно-палатальной сингармонической модели зависит от соотношения широты гласных в левой и правой части ее. Наибольшую частоту реализации имеют модели, обе части которых содержат одновременно или предельно узкие, или предельно широкие гласные, т. е. *ü — ə* и *ä — ä*. Так, самая регулярная модель *ü — ə* распространяется не только на татарские заимствования в диалекте (*dürəs* < тат. *döres* 'верный, правильный, истинный, доподлинный', *sürəm* < тат. *sörem* 'копоть, чад, смрад', *türlə* < тат. *tөрle* 'различный, разнообразный' и т. д.), в которых она восходит к эквивалентной модели татарского языка, в значительной мере стабилизирующей первую, но и на большое количество слов удмуртского (resp. финно-угорского) происхождения (*gümə*, коми *гум* [гумь-] 'полюй стебель дудчатых растений', фин. *käämi* 'шпулька, катушка', саамН *gabme* 'птичье перо, из которого делают игольник'; *pünə*, коми *пон* [понь-] 'собака', морд.

piñe, мар. *pi*, *piç*, фин. *peni*, саамН *bäñä* то же, ?? венг. *fene* — ругательское слово; *ürə*, коми *орны* 'оборваться, оторваться, порваться; разориться', манс. КР *örti*-, КЛ *oärti*-, Т *ärt*- 'устать', хант. DN *oraipä*, Vj. *aritä* 'оборвать, распороть', венг. *árt*- 'причинить вред'; *üzə*, коми *оз* [озь-] 'земляника', хант. *ut* то же, нен. *nodea*⁹ и др.).

Модель *ä — ä* реализуется в большом количестве татарских заимствований и почти не встречается в словах удмуртского происхождения. Нерегулярные модели *ä — ə* и *ə — ə* распространяются лишь на единичные слова тюркского происхождения.

⁹ КЭСК, стр. 82, 224—225, 207, 203.

2.1.2. Сингармонические модели с узким гласным в правой части ($\ddot{u} - \ddot{a}$, $\ddot{e} - \ddot{a}$ и $\ddot{i} - \ddot{a}$) более последовательны, чем модели с широким ($\ddot{a} - \ddot{a}$ и $\ddot{e} - \ddot{a}$). В последних вместо закономерно ожидаемого \ddot{a} первого слога возможно употребление велярного a . Неоднородность тембровой окраски гласных первого и второго слогов в данном случае наблюдается а) в производных словах, в которых функционирует служебная морфема с гласным a , не имеющая сингармонического варианта: $\acute{c}\acute{a}j-a-m$ 'в мой чай, в моем чаю', $g\acute{e}r-a-z$ 'в его гире' и др.; б) в словах, где корневой \ddot{a} возник сравнительно недавно на почве удмуртского языка и не успел оказать существенного влияния на гласный последующего слова (например, a): $\acute{c}\acute{a}\acute{c}a$ 'детская игрушка, побрякушка; оспа' < общеудм. $\acute{c}\acute{a}\acute{c}a$, лит. $чача$; $\acute{s}\acute{a}\acute{s}ka$ 'цветок' < общеудм. $\acute{s}\acute{a}\acute{s}ka$, лит. $сяська$ и др.; в) в некоторых словах, в которых велярность гласного, вероятно, поддерживается заднеязычным согласным g : $p\acute{a}jgamber$ 'мифическое человекоподобное существо, жившее на земле до появления человека' и др.

2.2. Заднеязычные гласные a , o , u , \ddot{a} и переднерядный e первого слога обуславливают, как правило, выбор заднерядных представителей архифоном \ddot{a}/\ddot{a} и \ddot{a}/a последующего слога. Велярный a употребляется еще и в том случае, когда в предшествующем слоге стоит \acute{o} . Данные сингармонические модели настолько обычны для всех удмуртских диалектов и, следовательно, регулярны в татышлинском, что не нуждаются в иллюстрации большим количеством примеров. Вот некоторые из них:

$a - \ddot{a}$, a : $sa\acute{n}\acute{a}k$ 'вилы', $ka\acute{l}\acute{a}k$ 'народ', $tak\acute{a}l$ 'струг'; $baba\acute{j}$ 'дед', $\acute{s}\acute{a}'ma$ 'кресало'.

$o - \ddot{a}$, a : $ko\acute{t}\acute{a}r$ 'кругом, вокруг', $goz\acute{a}$ 'веревка', $ko\acute{c}\acute{e}\acute{s}$ 'кошка'; $\acute{c}onari$ 'паук', $kora-$ 'рубить'.

$\ddot{a} - \ddot{a}$, a : $\acute{z}\acute{a}\eta\acute{a}$ 'половина', $\acute{c}\acute{a}\acute{z}\acute{a}t$ 'румяный', $\acute{c}\acute{a}rt\acute{a}$ 'шея', $k\acute{a}z\acute{a}k$ 'интересный'; $k\acute{a}zam\acute{a}k$ 'корь', $p\acute{a}\acute{s}al$ 'ружье'.

$u - \ddot{a}$, a : $tug\acute{e}m$ 'обод', $ku\acute{z}\acute{a}m$ 'сила', $\acute{z}u\acute{z}\acute{a}t$ 'высокий', $ul\acute{a}-$ 'жить'; $\acute{z}umal$ 'сахаристый, сладковатый; пресный (не скисшийся)', $uram$ 'улица', $\acute{s}uba$ 'шуба, доха'.

$e - \ddot{a}$, a : $\acute{s}\acute{e}nk\acute{a}$ 'трут', $\acute{s}\acute{e}z\acute{a}$ 'овес', $\acute{c}\acute{e}\acute{c}\acute{a}$ 'мед', $ke\acute{s}\acute{a}$ 'мошкара'; $vera$ 'говорит; вымя', $\acute{s}\acute{e}kar$ 'сахар'.

$\acute{o} - a$: $ko\acute{n}\acute{a}$ 'сколько', $\acute{s}\acute{o}m\acute{n}\acute{a}$ 'семья', $\acute{z}\acute{o}\acute{z}ma-$ 'покрыться настом'.

2.2.1. Из перечисленных выше велярных сингармонических моделей наиболее последовательны модели с узким гласным во второй половине. В остальных же моделях вместо ожидаемого заднерядного a выступает иногда передне-среднерядный \ddot{a} . Это имеет место в том случае, если широкая архифонома оказывается в позиции, где татышлинский диалект не допускает велярного a , т. е. между палатальными согласными (j и r по воздействию на гласные сходны в некоторых удмуртских диалектах с палатальными): $vajj\acute{a}\acute{s}k\acute{a}-$ 'раздвоиться, расщепиться', $go\acute{z}\acute{z}\acute{a}\acute{s}k\acute{a}-$ 'писать, заниматься писаниной', $ver\acute{a}\acute{s}kiz$ '(он) говорил, разговаривал', $v\acute{o}\acute{s}\acute{a}\acute{s}ke$ 'молится', $\acute{n}\acute{u}r\acute{a}\acute{s}k\acute{a}-$ 'бороться', $tak\acute{a}ll\acute{a}\acute{s}k\acute{a}-$ 'строгать' и др. В данном случае нарушение закономерности проявления гармонии гласных вызвано действием другого фонетического явления татышлинского диалекта — позиционным чередованием $a \sim \ddot{a}$: $vera$ 'говорить': $ver\acute{a}\acute{s}k\acute{a}-$ 'разговаривать', $v\acute{o}\acute{s}a-$ 'молить, освящать': $v\acute{o}\acute{s}\acute{a}\acute{s}k\acute{a}-$ 'молиться' и др.

2.3. Как можно было заметить из рассмотренного выше материала, небная гармония гласных в татышлинском диалекте в целом неполная

и довольно непоследовательна. Это находит выражение не только в определенных нарушениях реализации сингармонических моделей (см. 2.1.2 и 2.2.1), но и в наличии в вокализме как первого, так и непервого слогов некоторого количества сингармонически нейтральных гласных. К ним относятся в пределах первого слога *i*, *ó* (по отношению к узкой архифонеме второго слога) и *i*, *ü* (по отношению к широкой); а в непервом слоге — *i*, *e* и *o*.

2.3.1. Выбор представителя узкой архифонемы после *i*, *ó* и широкой после *i*, *ü* произволен и проявляется в свободном варьировании после этих гласных первого слога то велярно-палатальных *ä* и *ä̃*, то велярных *ä̂* и *a* в составе разных слов или даже в одном в произношении разных лиц:

		<i>i</i> — <i>ä̂</i> ~ <i>a</i>	
<i>kisä</i>	'карман'	<i>kisäri</i>	'морщина' <i>pitäran</i> ~ <i>pitärän</i> 'колесо'
<i>siñäs</i>	'нити'	<i>kindäk</i>	'сердечник'
<i>izä-</i>	'спать'	<i>iñžä</i>	'пуговка'
<i>izä-</i>	'молоть'	<i>izgä</i>	'святой'
		<i>ó</i> — <i>ä̂</i> ~ <i>a</i>	
<i>óžät</i>	'мало'	<i>köräk</i>	'меха' <i>nökä</i> ~ <i>nökä</i> 'каймак'
<i>dóžžä</i>	'сани'	<i>pólä</i>	'большой палец' <i>kóžžä</i> ~ <i>kóžžä</i> 'горох'
<i>pòškä</i>	'чирей'	<i>kózläk</i>	'сетка (пчеловода)'
		<i>i</i> — <i>a</i> ~ <i>ä̃</i>	
<i>pīnal</i>	'молодой'	<i>inäj</i>	'теща' <i>riza</i> ~ <i>rizä</i> 'согласен'
<i>kijar</i>	'огурец'	<i>immär</i>	'бог'
		<i>ü</i> — <i>a</i> ~ <i>ä̃</i>	
<i>nūnal</i>	'день'	<i>sürä</i>	'волокуша' <i>kūlaga</i> ~ <i>kūlägä</i> 'тень, сень'

2.3.2. Абсолютно не реагируют на качество огласовки предшествующего слога гласные второго слога *i*, *e*¹⁰ и *o*, которые могут сочетаться как с заднерядными, так и с незаднерядными гласными первого слога, нарушая тем самым однородность огласовки всего слова: *a* — *o*, *i*, *e*: *karos* 'кисть, гроздь; соты', *mažiškon* 'загадка', *žarde* 'расцветает'

o — *o*, *i*, *e*: *tolon* 'вчера', *vordiškon* 'рождение; понедельник', *mone* 'меня'

ä̂ — *o*, *i*, *e*: *päktos* 'свинка (болезнь)', *kälččin* 'ангел', *käše* 'какой'

u — *o*, *i*, *e*: *urbo* 'клоп', *puris* 'седой', *pušner* 'крапива'

i — *o*, *i*, *e*: *bijo* 'улитка', *nižili* 'дождевой червь', *iskem* 'верста, километр'

e — *o*, *i*, *e*: *ve'le* 'ходит', *vekči* 'тонкий', *keržek* 'вспыльчивый'

ä̃ — *o*, *i*, *e*: *bäroz* 'ударит', *žänki* 'блюдец', *nänet* 'хлеб твой'

ó — *o*, *i*, *e*: *žóso* 'пришвицы', *čókiš* 'молот', *vóješ* 'маслянистый, измазаный (испачканный) маслом'

a — *o*, *i*, *e*: *gərjos* 'гири', *kərpiš* 'кирпич', *gəne* ~ *gāne* 'только, лишь, лишь только'

ü — *o*, *i*, *e*: *külto* 'сноп', *vüti* 'по воде', *türeñ* 'лемех'

¹⁰ В сингармоническом отношении нейтральны гласные *i* и *e* во многих языках, из финно-угорских, в частности, в венгерском и финском (К. Е. Майтинская, Венгерский язык, часть I. Введение. Фонетика. Морфология, Москва 1955, стр. 63; Грамматика финского языка. Фонетика и морфология, Москва—Ленинград 1958, стр. 27). Однако удм. *e* отличается от аналогичного звука родственных языков тем, что в составе первого слога он сингармонически «активен» и примыкает к гласным заднего (!) ряда (см. 2.2).

2.3.3. Далее, действие гармонии гласных проявляется более или менее последовательно в рамках двух соседних (чаще всего, двух первых) слогов, уподобление же по тембру (преимущественно велярно-палатальному) третьего и далее слогов первому факультативно, ср. *vũnənə ~ vũnənə* 'забыться, подвергнуться забвению', *čũmənə ~ čũmənə* 'нырнуть в воду', *ũsəkəz* 'при падении (его), когда он падал', *arəksat* 'разрешение, позволение' и др.

Соответственно и сингармоническое варьирование функциональных морфем крайне непоследовательно. Так, некоторые суффиксы с узкой архифонемой имеют два варианта, реализующиеся в зависимости от велярной/велярно-палатальной огласовки предшествующего слога, например: *-lā ~ -lə* (показатель дательного падежа): *uzlā* 'работе, делу': *vũlə* 'воде; за водой'; *-ān ~ -ən* (показатель инессива): *gurān* в, печи': *kũrən* 'в лубке': *-lā ~ -lə* (суффикс отыменного прилагательного): *eplā* 'осторожный, вежливый, обходительный': *žājlə* 'удобный'; другие же во всех случаях предпочитают употребляться в велярной огласовке, напр. суффикс деепричастия *-kā*, ср. *mānəkām* 'когда я шел', *otəkāt* 'когда ты звал', *ũstəkəz* 'когда он открывал' и т. д.

Суффиксальный *a* абсолютно индифферентен к качеству гласного предшествующего слога (см. также 2.1.2).

2.4. В рассмотренные выше правила гармонии гласных не укладываются сложные слова, каждый компонент которых имеет собственную гармонию, например: *pũ|nāmār* 'короед' (*pũ* 'дерево' и *nāmār* 'червь'), *nũšə|žār* 'головастик' (*nũšə* 'толкушка, колотушка' и *žār* 'голова'), *bũrgə|vāškā* 'холодильная установка (в самогонварении)' (*bũrgə* 'труба' и *vāškā* 'кадка') и др.

3. Относительно происхождения гармонии гласных в татышлинском диалекте удмуртского языка можно выдвинуть две диаметрально противоположные гипотезы.

3.1. Согласно первой, гармония гласных представляет собой древнейшее явление в удмуртском языке и восходит к периоду финно-угорской общности.

3.1.1. Учитывая склонность маргинальных диалектов к консервации архаичных языковых явлений¹¹, можно допустить, что один из периферийных удмуртских диалектов сохранил эту древнефинно-угорскую праязыковую особенность фонемной синтагматики, давно утраченную другими диалектами пермских языков. В пользу данного предположения свидетельствуют, кажется, и некоторые другие архаичные черты фонетического строя татышлинского диалекта (наличие фонем *ü, ŋ*, огубленное произношение *ö* и т. д.). Это с одной стороны.

3.1.2. С другой стороны, следует принять во внимание неодинаковую степень сохранения гармонии гласных различными диалектами и других родственных языков. В одних мансийских диалектах, к примеру, гармония гласных действует регулярно и последовательно, в других она полностью отсутствует, и нет никаких следов бывшего его существования, третьи же располагаются в этом отношении между первыми и вторыми.¹² Могло бы случиться и так, что в процессе длительного исторического развития уцелел бы в мансийском языке лишь один диалект с явно выраженными чертами сингармонизма, который мог бы свидетельствовать о существовании последнего в древнемансийской

¹¹ Б. А. Серебренников, Об окраинных говорах и диалектах языка коми. — СФУ I 1965, стр. 100.

¹² А. Kannisto, Die vokalharmonie im wogulischen, стр. 78.

(resp. угорской или даже финно-угорской) языковой стадии. Почему бы не мог оказаться таким единственным среди удмуртских диалектов татышлинский?

3.2. Тем не менее эта гипотеза кажется нам в силу ряда причин не вполне состоятельной, и мы вынуждены склониться к мысли, что гармония гласных возникла в рассматриваемом диалекте сравнительно недавно, в период его обособленного развития, и, следовательно, ни в коей мере не может быть квалифицирована в качестве финно-угорского праязыкового наследия. Более того, существенную роль в формировании ее сыграли тюркские языки с ярко выраженным сингармонизмом — татарский и башкирский¹³, оказавшие в ходе длительного и интенсивного контактирования с данным удмуртским диалектом значительное влияние на последний.

Об этом говорят следующие факторы.

3.2.1. Гармония гласных в татышлинском диалекте возможна постольку, поскольку существуют в нем коррелятивные пары $\bar{a} : \bar{a}$ и $a : \bar{a}$, способные употребляться и в непервых слогах (см. 0.2). Гласные же передне-среднего ряда \bar{a} и \bar{a} , корреляты заднерядных \bar{a} и a , появились в удмуртских диалектах, в том числе и в татышлинском, сравнительно недавно и не без татарского влияния,¹⁴ как и новые сингармонические модели с велярно-палатальной тембровой окраской, противопоставляемые уже имеющимся моделям с велярной огласовкой (ср. *эмэт* 'рот твой' (удм.) : *эмэт* 'надежда' (< тат.); *арам* 'сжатый; он сжал, выжал' (удм.) : *äräm* 'напрасно, зря, попусту' (< тат.) и др.).

И не только сами сингармонические модели с передне-среднерядными гласными оформились под влиянием аналогичных моделей татарского языка, но и конкретное лексическое наполнение их произошло преимущественно за счет тюркских заимствований. Таким образом, противоположение класса слов, имеющих велярно-палатальную тембровую окраску, словам с велярной окраской, составляющее сущность гармонии гласных рассматриваемого удмуртского диалекта, в этимологическом плане почти эквивалентно оппозиции тюркизмов исконной лексики. Некоторое исключение составляет лишь определенное количество удмуртских слов, реализующих модель $\bar{a} - \bar{a}$ (см. 2.1 и 2.1.1), и тюркские заимствования с заднерядной огласовкой.

3.2.2. Многие языковеды справедливо связывают возникновение сингармонизма в агглютинирующих языках¹⁵ с наличием сильного ди-

¹³ В. А. Богородицкий, Законы сингармонизма в тюркских языках. — Вестник научного общества татароведения, 6, Казань 1927; Современный татарский литературный язык. Лексикология, фонетика, морфология, Москва 1969, стр. 96—97; Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, Москва—Ленинград 1948, стр. 38—40.

¹⁴ О происхождении \bar{a} и \bar{a} в удмуртских диалектах см.: И. В. Тараканов, Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка (в свете экспериментальных данных), Тарту 1958, (Канд. дисс., рукоп.), стр. 79; В. К. Кельмаков, О некоторых специфичных фонемах кукуморского диалекта удмуртского языка. — СФУ IV 1968, стр. 195; Р. Ш. Насибуллин, К вопросу о происхождении новых фонем (По материалам удмуртских диалектов). — Вопросы советского финно-угроведения. Языковедение (Тезисы докладов и сообщений на XIV Всесоюзной конференции по финно-угроведению, посвященной 50-летию образования СССР), Саранск 1972, стр. 50—51; В. К. Кельмаков, Фонема \bar{a} в татышлинском диалекте удмуртского языка. — СФУ X 1974, стр. 104—105.

¹⁵ О закономерной связи гармонии гласных с агглютинацией см.: В. А. Богородицкий, Характеристика звукового состава в казанском говоре поволжско-татарского языка в отношении к звуковой системой общерусского языка. — Известия Российской Академии Наук, VI серия, т. XIII, Петроград 1919, № 12—15, стр. 819; его же, Законы сингармонизма в тюркских языках, стр. 79—80; Н. К. Дмитриев, Строй турецкого языка, Ленинград 1939, стр. 8; J. K r a m s k y, Über den Ursprung und

намического ударения на первом слоге слова.¹⁶ Именно сильно акцентуемый первый слог мог бы определять тембровую окраску всех последующих слогов, особенно в начальный период формирования гармонии гласных, когда она еще не успела получить характерную для нее делимитативную и словоорганизующую функции¹⁷ и тем самым укрепить свои позиции вне зависимости от акцентуационных отношений.

В татышлинском диалекте, как и во всех удмуртских диалектах, ударным бывает, за редкими исключениями, последний слог слова. И, естественно, трудно было бы представить себе спонтанное развитие гармонии гласных в условиях, когда главенствующий в сингармоническом отношении первый слог не составляет одновременно и акцентуационную вершину слова, если отклонить предположение о тюркском источнике ее происхождения.

3.2.3. Гармония гласных действует в татышлинском диалекте преимущественно в пределах двух первых слогов слова (2.3.3), и выполняемая ею словоразграничительная функция, разумеется, незначительна. Следовательно, в роли пограничного сигнала выступают в диалекте какие-то другие средства (кстати, еще совершенно не изученные), по отношению к которым гармония гласных является дополнительным, побочным. Поэтому, как нам кажется, возникновение гармонии гласных в татышлинском диалекте едва ли обусловлено внутренней потребностью самой системы языка иметь ее в качестве пограничного сигнала; скорее наоборот, появившиеся независимо от внутренних потребностей системы (могут же некоторые агглютинативные языки обходиться и без гармонии гласных,¹⁸ в частности, абсолютное большинство пермских

die Funktion der Vokalharmonie in den ural-altaischen Sprachen. — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Bd. 106, Heft I, Wiesbaden 1956, стр. 121, 123—124, 132; Г. П. Мельников, Некоторые общие черты вокализма урало-алтайских языков. — Конференция по структурной лингвистике, посвященная базисным проблемам фонологии. Тезисы докладов, Москва 1963, стр. 45; Б. А. Серебrenников, Причины устойчивости агглютинативного строя и вопрос о морфологическом типе языка. — Морфологическая типология и проблема классификации языков, Москва—Ленинград, 1965, стр. 13; Э. Р. Тенишев, О связи гармонии гласных с агглютинацией в тюркских языках. — Там же, стр. 128 и др. В языках флективного типа (напр. индоевропейских и семитских) гармония гласных является скорее редким исключением, нежели закономерностью (И. Бодуэн-де-Куртенэ, Резья и резьяне. — Славянский сборник, т. III, отд. I, Петербург 1876, стр. 322—325; Н. В. Юшманов, Сингармонизм урмийского наречия. — Памяти академика Н. Я. Марра (1864—1934). Москва—Ленинград 1938, стр. 295 и далее).

¹⁶ Ф. Корш, Древнейший народный стих турецких племен. — Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества, Т. XIX, вып. II—III, Санкт-Петербург 1909, стр. 166; В. А. Богородицкий, Характеристика звукового состава в казанском говоре поволжско-татарского языка в отношении со звуковой системой общерусского языка, стр. 879; В. А. Гордлевский, Грамматика турецкого языка, Москва 1928 (Труды Московского института востоковедения им. Н. Н. Нарманова при ЦИК СССР, X), стр. 8, 10; Б. Я. Владимирцов, Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика, Ленинград 1929, стр. 112 и др.

¹⁷ Об этих функциях гармонии гласных в агглютинативных (и инкорпорирующих) языках см.: И. Бодуэн-де-Куртенэ, указ. раб., стр. 322—323; Г. П. Мельников, Некоторые способы описания и анализа гармонии гласных в современных тюркских языках. — ВЯ 1962, № 6, стр. 43; его же, Морфологический строй языка и способы словоразграничения. — Конференция по структурной лингвистике, посвященная базисным проблемам фонологии. Тезисы докладов, стр. 45; его же, О взаимоотношении агглютинации и сингармонизма, стр. 298; А. М. Рот, указ. раб., стр. 62; М. А. Черкасский, указ. раб., стр. 10.

¹⁸ «...внутренняя связь сингармонизма с агглютинацией очевидна: не существует языков неагглютинативного типа, в которых развит сингармонизм. Но из этого утверждения никак логически не следует обратное — что агглютинативный язык должен обязательно иметь явно выраженный сингармонизм» (Г. П. Мельников, О взаимоотношении агглютинации и сингармонизма, стр. 299).

диалектов!) элементы сингармонизма вошли впоследствии в состав тех средств диалекта, которые выполняют в нем делимитативную функцию.

4.1. В заключение следует заметить, что в удмуртском языке (в частности, татышлинском диалекте) невозможно сочетание палатальной гармонии с губной, как в некоторых родственных финно-угорских (венгерском, марийском и др.) и неродственных алтайских языках. Появлению лабиальной гармонии в удмуртских диалектах препятствует отсутствие огубленных *u*, *ü* и *ö* в непервых слогах исконно удмуртских основ и в составе суффиксов различных типов (0.2 и 1.2.2).

4.2. Третий вид гармонии гласных — по признаку подъема, или горизонтальная, — предполагаемый К. Редей для определенного периода общности пермских языков,¹⁹ в современных пермских (в частности, удмуртских) диалектах не обнаружен.

¹⁹ К. Rédei, указ. раб., стр. 42.

V. K. KELMAKOV (Iževsk)

DIE ELEMENTE DER PALATALEN VOKALHARMONIE IN DER TATYSLY-MUNDART DES UDMURTISCHEN

In der Tatyšly-Mundart des Udmurtischen ist eine für die permischen Sprachen nicht charakteristische Erscheinung der Phonemsyntagmatik — die palatale Vokalharmonie — aufgefunden worden. Ihr Wesen besteht darin, daß die Wahl des Repräsentanten der unlabialisierten Archiphoneme ∂/∂ und a/\bar{a} im Rahmen der nichtersten (gewöhnlich der zweiten) Silbe durch die Qualität des Vokals der ersten Silbe bedingt ist:

1) wenn in der ersten Silbe die Vokale \bar{u} , \bar{a} und ∂ auftreten, so erscheinen in der zweiten Silbe die Vokale der vorder-mittleren Reihe ∂ und \bar{a} ;

2) die Vokale der ersten Silbe $\bar{\partial}$, u , o , a und e bedingen die Wahl der Vokale ∂ und a der hinteren Reihe der darauffolgenden Silbe;

3) die Vokale i , \bar{o} (in bezug auf das enge Archiphonem der zweiten Silbe) und die Vokale \bar{i} , \bar{u} (in bezug auf das breite) im Rahmen der ersten Silbe und die Vokale i , e , o im Rahmen der nichtersten Silben sind synharmonisch neutral.

Die Vokalharmonie, wie auch die Vokale \bar{a} und ∂ , ist in der betreffenden udmurtischen Mundart verhältnismäßig vor kurzem unter dem Einfluß des Tatarischen entstanden.